

О. Г. Усенко

О роли фольклора в системе социальной стратификации и обычноправовой регламентации управления на Дону в XVII – начале XVIII в.

Цель данного сообщения – показать важную роль фольклора в деле фиксации, распространения и освящения обычноправовых норм, регулировавших сферу управления и процессы социальной стратификации в Донском Войске периода его расцвета.

Если рассматривать Войско Донское XVII – начала XVIII в. как автономную общественную систему, то его можно отнести к типу традиционного социума. Такое общество является носителем устной культуры, для которой, помимо прочего, характерны доминирование обычного права и преобладание личного, живого общения в процессах коммуникации – накопления, передачи и проверки социально значимой информации¹.

Важной формой коммуникации в традиционном обществе было исполнение и слушание фольклорных произведений. Их нельзя сводить лишь к одним вербальным текстам – они являли собой сплав словесного повествования, ритуализированных действий и коллективных переживаний². При этом фольклор был не только «зеркалом», но и «учебником» жизни – не только выражал присущее той или иной общности мировидение, но также воспитывал и направлял своих носителей, исподволь обучая их моделированию окружающего мира и способам его осмысления³. Модель мира, заложенная в произведениях

¹ См.: Лотман Ю. М. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 3–11; Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. С. 19–25, 32, 342–344.

² См.: Байбурун А. К., Левинтон Г. А. К проблеме «у этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов» // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984. С. 243–245.

³ См.: Раевский Д. С. О генезисе повествовательной мифологии как средства моделирования мира // Там же. С. 66–68.

[с. 178]

устного народного творчества, «определяла набор оппозиций, служащих для воздействия на мир, правила их использования и их мотивировку», она «могла реализовываться в различных формах человеческого поведения и в результатах этого поведения», т. е. представляла собой «программу поведения для личности и коллектива»⁴.

Последние утверждения можно проиллюстрировать следующими примерами.

Казаки-некрасовцы, родившиеся вдали от России, сохраняли ненависть к самодержавию потому, что этому их учили предания, а также поучения, известные как «заветы Игната»⁵.

Е. Пугачёв своим первым указом (17 сентября 1773 г.) пожаловал яицких казаков «рякою с вершын и до усья и землёю, и травами, и денежным жалованьям, и свиньцом, и порухам, и хлебным правиянтам». Историки отмечают, что такая номенклатура пожалований обусловлена устойчиво бытовавшем среди яицких казаков преданием о грамоте царя Михаила Фёдоровича, который якобы передал им во владение реку Яик и наградил их указанными привилегиями⁶.

Наконец, уместно привести описание одного из обычаев дубовских (волжских) казаков,

сделанное во второй половине XIX в.: «В Дубовке [...] существует [...] легенда, что Разин начертил на заборе лодку, сел с самыми отважными молодцами дубовчанами на "самолёт", взвился, как птица, и поплыл по Волге. В недавнее ещё время, в подражание прежним волжским удальцам, посадские [...] ребята, во время святок, наряжались в разбойничьи доспехи: кафтаны, отделанные позументами, красные рубахи, плисовые чёрные шаровары, ходили по домам и разыгрывали сценки из времён Разина и Пугачёва: вся ватага садится на пол, чертит круг и как бы плывёт на лодке, причём поёт песню – "вниз по матушке по Волге..."; на ковре сидит в это время молодая плачущая девушка – любовница атамана, которую он в конце концов убивает кинжалом и будто бросает в воду...»⁷

Источники, на которых основано моё сообщение, – это фольклорные произведения, которые были созданы и/или бытовали на Дону в XVI – начале XVIII в. При этом сведения, почерпнутые из них, сопоставляются в ряде случаев с документальными данными.

---

⁴ *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). М., 1965. С. 7.

⁵ *Тумилевич Ф. В.* Русские народные сказки казаков-некрасовцев. Ростов н/Д., 1958. С. 44.

⁶ Документы ставки Е. И. Пугачёва, повстанческих властей и учреждений: 1773–1774 гг. М., 1975. С. 23, 374.

⁷ *Минх А. Н.* Историко-географический словарь Саратовской губернии. Саратов, 1898. Т. 1. Вып. 2. С. 274–275.

[с. 179]

Особенностью фольклорных источников является, во-первых, то, что они не представляют собой чего-то законченного и самостоятельного – это не заученная назубок и механически воспроизводимая последовательность слов. Каждое произведение устного народного творчества – это сиюминутная и оригинальная вариация типового набора представлений и стереотипов, конкретное воплощение некоей схемы, в соотношении с которой оно только и может быть правильно понято. Обновление фольклорного текста по мере его бытования проявляется прежде всего в замене отдельных реалий (предметов быта, вооружения, общественно-политической лексики и т. д.). Что касается глубинного содержания, т. е. семантической структуры произведения, то здесь обычно происходит не замена элементов и взаимосвязей, но их перекодировка и перестройка их иерархии⁸.

Во-вторых, особенностью былинь, исторических песен и преданий является то, что в центре внимания находится поведение героев, а обстановка, их окружающая, и мотивы их поступков не интересуют сказителей и слушателей. Обыкновенное и общеизвестное выносится в подтекст, в сферу подразумеваемого, поэтому отсутствие объяснений и мотивировок в тексте произведения компенсируется тем, что исполнитель и его аудитория дают их сами себе на уровне подсознания, домысливая необходимое на основе коллективных представлений и установок⁹. Поступки фольклорного героя подводятся под схему, хранящуюся в памяти народа, вследствие чего они получают смысл и ценностный статус¹⁰.

В сознании донских казаков XVII – начала XVIII в. их бытовые, религиозные, правовые и социально-политические традиции, нормы поведения и управления обозначались единым понятием «казацкая обыкность». Ядро последней составляло неписаное «войсковое право», элементы которого нашли своё отражение и освящение в донском фольклоре.

Посредством фольклора в массовом сознании казаков закреплялся, во-первых, комплекс представлений об особом политико-правовом статусе Донского Войска.

---

⁸ См.: *Путилов Б. Н.* Искусство былинного певца (из текстологических наблюдений над былинами) // Принципы текстологического изучения фольклора. М.; Л., 1966; *Смирнов Ю. И.* Былина «Иван Гостиный сын» и её южнославянские параллели // Русский фольклор. М.; Л., 1968. Т. 11. С. 66.

⁹ См.: *Пропт В. Я.* Фольклор и действительность. М., 1976. С. 87, 90, 109, 114, 120; *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967. С. 12.

¹⁰ См.: *Байбурин А. К., Левинтон Г. А.* Указ. соч. С. 232.

[с. 180]

Важной частью этого ментального комплекса было представление, отлитое в пословице «На Дону нет царя»¹¹.

Этот постулат конкретизировался в других пословицах («С Дону выдачи нет», «Руби меня татарская сабля – не бей боярская плеть»)¹², а также в т. н. «заветах Ермака», первым из которых был такой: «Всех до себя принимать и никого Москве не выдавать»¹³. В сказках и преданиях донцов их «вольная» жизнь противопоставлялась присущей Московскому государству «неволе», под которой разумелись крепостное право, переписи населения, власть назначенных сверху чиновников и офицеров¹⁴.

Донские исторические песни, в свою очередь, укореняли и распространяли убеждение, согласно которому под юрисдикцию Войска подпадают все, кто находится на его территории, даже дипломаты¹⁵. Имеются в виду песни, герои которых самолично или по решению круга казнят иноземных и царских послов¹⁶. В том же направлении, очевидно, воздействовали и произведения, герои которых в присутствии царя безнаказанно расправляются с его гостями или придворными, когда те оскорбляют казаков или превышают свою власть¹⁷.

Особый политико-правовой статус Донской «либерии» в период её расцвета характеризовался также допущением военных походов с целью грабежа.

В донском фольклоре такие походы преподносятся как неотъемлемый компонент казачьей «воли»: ходить «за зипунами» – значит «казаковать», а «повольничать» синонимично «пораскошничать» (от слова «кош» – стан, лагерь)¹⁸. О том, какова жизнь казака без

---

¹¹ *Тумилевич Ф. В., Полторацкая М. А.* Фольклор Дона. Ростов н/Д., 1941. Сб. 2. С. 102.

¹² Там же. С. 104.

¹³ См.: Ермак легендарный: Донские песни и предания. Ростов н/Д., 1987. С. 20, 65, 88.

¹⁴ См.: *Тумилевич Ф. В.* Русские народные сказки казаков-некрасовцев. С. 192; *Он же.* Донской эпос о Разине // Литература Советского Дона. Ростов н/Д., 1969. С. 302; Ермак легендарный... С. 27–29, 65.

¹⁵ *Сватиков С. Г.* Россия и Дон (1549–1917). Белград, 1934. С. 87.

¹⁶ См.: *Савельев А. М.* Сборник донских народных песен. СПб., 1866. С. 74, 87–89; Исторические песни XIII–XVI вв. М.; Л., 1960. С. 679; *Листопадов А. М.* Донские исторические песни. Ростов н/Д., 1946. С. 15–16.

¹⁷ См.: *Савельев А. М.* Указ. соч. С. 79; Исторические песни XIII–XVI вв. №№ 159, 367, 370; Ермак легендарный... С. 36–37.

¹⁸ См.: *Савельев А. М.* Указ. соч. С. 112–113; *Листопадов А. М.* Донские былины. Ростов н/Д., 1945. С. 29; *Он же.* Донские исторические песни. С. 62, 104; Исторические песни XIII–XVI вв. №№ 337–345; Исторические песни XVII века. М.; Л., 1966. №№ 86, 87, 89, 100, 101; Ермак легендарный... С. 43, 65.

[с. 181]

набегов, говорит пословица «Долговать на Дону – закладать жену»¹⁹. При этом походы морем на турок рассматриваются как служба царю²⁰. Не случайно полны уныния песни, описывающие ситуацию, когда запрещено «казакование» на море, а царь плавает сам, без

донцов²¹.

Песенные герои, в том числе Ермак и С. Разин, разбивают корабли не только иноземных, но и российских купцов, причём даже перед государем не боятся признаться в этом. Правда, казаки оправдываются тем, что из русских грабили только «купцов-подлецов» – тех, кто не заплатил царю «дани-пошлины» и чьи корабли поэтому были «не орлёные» (без царского герба)²². В преданиях Ермак и Разин тоже не видят ничего зазорного в том, чтобы нападать на иностранных и русских богатеев, ибо такие походы получают санкцию казачьего круга²³.

В то же время на примерах легендарных героев донской фольклор пропагандировал мысль, что даже в случае монаршего гнева разбойник может заслужить прощение, принеся царю повинную и присоединив к его владениям новые земли, – ведь государь принимает оправдания Ермака и Разина²⁴. Данному представлению полностью соответствует поведение реального С. Разина и его товарищей после персидского похода: документы сообщают, что они «били челом великому государю... чтоб великий государь пожаловал, велел вины их им отдать... а они де за те свои вины ради великому государю служить и головами своими платить, где великий государь укажет». В октябре 1669 г., уже будучи на Дону, Разин заявлял: «А как де ево товарищи з государевою милостивою грамотою к нему, Стеньке, приедут, и он де, Стенька, служить великому государю рад со всеми товарищи своими и пойдёт на Крым или на Азов, или где великого государя повеление будет, и покроет де он вину свою великому государю службою своею»²⁵.

¹⁹ Тумилевич Ф. В., Полторацкая М. А. Указ. соч. С. 98.

²⁰ См.: Савельев А. М. Указ. соч. С. 92, 114.

²¹ См.: Там же. С. 92–94; Исторические песни XVII века. №№ 29, 155; Листопадов А. М. Донские исторические песни. № 43.

²² См.: Исторические песни XIII–XVI вв. №№ 303, 306, 358, 361, 363; Исторические песни XVII века. №№ 143, 156, 161; Савельев А. М. Указ. соч. С. 74, 77, 81, 85–86; Листопадов А. М. Донские исторические песни. С. 14, 23–24, 29, 52.

²³ См.: Ермак легендарный... С. 36–37, 43, 58, 79–80, 89; Тумилевич Ф. В. Донской эпос о Разине. С. 305, 311; Тумилевич Т. И. Сибирский поход Ермака // Филологические этюды: Сер. Русская литература. Ростов н/Д., 1974. Вып. 2. С. 141–142.

²⁴ См.: Исторические песни XIII–XVI вв. №№ 328, 329, 359, 367; Исторические песни XVII века. № 161; Савельев А. М. Указ. соч. С. 75, 77; Якушкин П. И. Сочинения. СПб., 1884. С. 404, 408, Ермак легендарный... С. 37, 54, 81.

²⁵ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1954. Т. 1. С. 145, 155.

[с. 182]

Многие произведения донского фольклора содержали скрытое напоминание, что основа основ казацкого общежития – это принятие важнейших решений на кругах и выборность командиров²⁶.

Так, процедура выбора атамана и его помощников, с точки зрения донцов, делала любые их мероприятия законными и отличала казаков от «воров» и «разбойников». Об этом свидетельствует речь Ермака перед соратниками в одном из преданий: «Надо атамана выбрать. Без атамана, есаула мы вроде шайки разбойников»²⁷.

Фольклор донцов напоминал и о ритуалах, совершавшихся на казачьих кругах. Например, знаком того, что решение принято и с ним все согласны, были следующие действия: атаман шапку надевал, а остальные казаки подбрасывали шапки вверх²⁸. В случае конфликта с участниками круга атаман для определения числа своих сторонников бросал шапку наземь – те, кто бросал на неё свои шапки, выражали тем самым согласие с мнением атамана²⁹.

При этом фольклорные тексты, бытовавшие на Дону в XVII – начале XVIII в., исподволь закладывали в сознание местных жителей установку на беспрекословное подчинение

атаманам, доказывая на легендарных примерах, что такое послушание – благо. В песнях атаман зовётся «батюшкой» и «надёжей», причём указывается, что он плохого или глупого не посоветует³⁰. Легендарный Ермак позволяет себе рукоприкладство по отношению к своим сподвижникам³¹. При этом для преданий о нём характерно следующее: «В том случае, когда Ермак превышает свои права, осуждается не атаман, а казаки-смутьяны за слабость духа, недалёковидность»³².

Почитание атамана отразилось также в пословицах: «Без атамана дуван не дуванят», «Артель атаманом крепка». Однако бытовала и поговорка, подчёркивавшая ограниченность командирской власти: «Атаман неволен и в докладе». Речь идёт о том, что на круге атаман, предлагая обсудить какой-либо вопрос, выяснял сперва, стоит ли его разбирать, – если вопрос к обсуждению «стариками» не принимался, то атаман уже не мог делать доклада³³.

---

²⁶ См.: Исторические песни XIII–XVI вв. №№ 337–345.

²⁷ Ермак легендарный... С. 28.

²⁸ См.: *Тумилевич Ф. В.* Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов н/Д., 1961. С. 176.

²⁹ См.: Ермак легендарный... С. 72.

³⁰ См.: Исторические песни XVII века. №№ 100, 101, 157.

³¹ См.: Ермак легендарный... С. 80.

³² *Тумилевич Т. И.* Предисловие // Там же. С. 11.

³³ *Тумилевич Ф. В., Полторацкая М. А.* Указ. соч. С. 95.

Помимо прочего, донской фольклор заставлял своих носителей постоянно помнить о том, что жители Дона делятся на полноправных (казаков) и неполноправных («голутву» и «бурлаков»). Причём подпитывалось и психологическое отчуждение первых от вторых.

Так, одно из преданий о С. Разине, записанное в 1868 г., внушает мысль, что его дружба с колодниками обернулась позором для донских казаков, поскольку те из них, что пошли за ним, заклемили себя насилием и святотатством³⁴. В ряде исторических песен Разин осуждается за то, что «думу думал» не с казаками, а с «голудвою» и «ярыжками кабацкими»³⁵. Недопустимость подобного поведения для казака подчёркивают песни, где «голытьба» созывается на круги предателем, перебежавшим затем к туркам³⁶, а также двумя братьями, о которых говорится, что «московцы они переходцы»³⁷.

Фольклорное противопоставление полноправных и неполноправных жителей Дона наглядно проявляется и в описании их властных органов: казачий круг отличается от собрания «голытьбы» тем, что казаки стоят под царским знаменем и золотым бунчуком³⁸.

Рассмотрим теперь то, как отразились в донском фольклоре общеправовые нормы, регулировавшие и закреплявшие социальную дифференциацию в среде самих казаков.

Поскольку донское право было ориентировано на обычай, «старину», то носителем его были «старые» (почтенные, заслуженные) казаки. Из их числа обычно выбирались атаманы, есаулы, полковники и старшины, кроме того, именно «старики» обладали решающим голосом на кругах³⁹.

Идеологическое обоснование такого порядка вещей можно усмотреть в исторических песнях и преданиях о Ермаке, который считался родоначальником донских казаков. Песня, рассказывающая о выборах Ермака в атаманы, подчёркивает, что он – «старик», «не глупой казак». В другой песне о нём и его есауле говорится как о

---

³⁴ См.: *Якушкин П. И.* Указ. соч. С. 412.

³⁵ См.: *Савельев А. М.* Указ. соч. С. 81; Исторические песни XVII века. №№ 143–145, 161.

³⁶ См.: *Савельев А. М.* Указ. соч. С. 80; Исторические песни XVII века. №№ 89, 90.

³⁷ См.: *Листопадов А. М.* Донские исторические песни. С. 57.

³⁸ См.: Исторические песни XVII века. №№ 150, 151, 153, 157.

³⁹ См.: Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889. С. 27–29; Сватиков С. Г. Указ. соч. С. 119; Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д., 1961. С. 163, 168, 172–173.

[с. 184]

«стариках старых», «казаках стародавних»⁴⁰. Одно из преданий свидетельствует, что Ермак обращался в кругу лишь к атаманам и старшинам⁴¹. Фольклор некрасовцев тоже зафиксировал неравенство «знатных» казаков и рядовых: из описаний кругов можно усмотреть, что первыми излагали своё мнение «старики», а прочим казакам оставалось высказаться либо «за», либо «против»⁴².

Дифференциация «старых» и «молодых» казаков имела место и на бытовом уровне. Документальные источники содержат сведения, что во время праздничных «бесед» (застольев) атаманы и старшины сидели отдельно от рядовых казаков⁴³. В исторических песнях азовского цикла описывается «беседа», выступающая неким неформальным органом власти, так вот, участниками её во всех случаях называются «старики», в компанию которых допускаются лишь «атаманы и славные казаки»⁴⁴.

Не случайно, по-видимому, и то, что в некоторых песнях спасителем казаков, не выставивших караулы и оказавшихся беззащитными перед врагом, выступает «старой казак умнёшенек», «казак старый догадливый»⁴⁵.

Социальная стратификация на Дону XVII – начала XVIII в. проявлялась и в неравноправии, хотя бы эпизодическом, рядовых казаков.

Такое «неравенство среди равных» чаще всего имело место при дележе добычи⁴⁶. Сведения об этом документальных источников подтверждаются материалами донского фольклора. В песнях о «плаче молодца на дуване» скрытым образом выражается мысль, что при дележе кое-кто может быть обделён и что это, хотя и вызывает печаль у обойдённого, всё же в принципе допустимо и потому нормально⁴⁷.

Кстати, в донских песнях можно заметить и следы высокомерного или подозрительного отношения к нечистокровным казакам: предателем постоянно оказывается «прироженная тума». Аналогичный эпитет прилагается и к С. Разину, если он выступает как

---

⁴⁰ См.: Исторические песни XIII–XVI вв. №№ 354, 372.

⁴¹ См.: Ермак легендарный... С. 71.

⁴² См.: Тумилевич Ф. В. Сказки и предания казаков-некрасовцев. С. 177.

⁴³ См.: РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Ед. хр. 841. Л. 4–5.

⁴⁴ См.: Исторические песни XVII века. №№ 86–92.

⁴⁵ См.: Там же. №№ 103, 104.

⁴⁶ См.: Усенко О. Г. Терпи, казак... // Родина. 1993. № 10. С. 24.

⁴⁷ Исторические песни XIII–XVI вв. № 303; Тумилевич Ф. В. Песни казаков-некрасовцев. Ростов н/Д., 1947. № 57.

[с. 185]

отрицательный персонаж⁴⁸. Тума – это казак из числа иноземцев (иноверцев) или метисов, потомков смешанных браков⁴⁹.

Ещё одним фактором социальной стратификации среди рядовых казаков было обычноправовое разделение тех, кто находился под защитой круга, и тех, кто её на время лишался, – например, за преступление или неподчинение воле круга. Казак, подвергнутый остракизму, оказывался вне закона – его можно было даже безнаказанно убить. Сведения об этом, извлечённые из фольклора некрасовцев, подтверждаются наблюдениями

исследователей за их жизнью⁵⁰.

---

⁴⁸ См. примеч. 36, а также: Исторические песни XVII века. № 355.

⁴⁹ *Миртов А. В.* Донской словарь: Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д., 1929. С. 328–329.

⁵⁰ См.: *Тумилевич Ф. В.* Сказки и предания казаков-некрасовцев. С. 178; *Он же.* Русские народные сказки казаков-некрасовцев. С. 15–16; *Иванов-Желудков В.* Русское село в Малой Азии // Русский вестник. 1866. Т. 63. № 6. С. 442.